

О. В. Шаршукова

РГГУ, Москва, Россия. sharshukovaov@yandex.ru

ANGUSTAE RES В «ГЕОРГИКАХ» ВЕРГИЛИЯ

В статье рассматривается утверждение Вергилия в середине III книги о том, что трудно придать торжественность *angustis rebus*. Мы полагаем, что *angustus* здесь не подразумевает низменности, но *angustae res* — это «мелкие» вещи. (Также характеристика «Георгик» как поэмы об *angustis rebus* — это очевидная отсылка к каллимаховской поэтике). По-видимому, Вергилий не считает сельское хозяйство низменным предметом, хотя труды земледельца кропотливы, и в поэме описывается множество мелких деталей. Мы анализируем употребление *angustus* в «Георгиках»: таким образом характеризуются маленькие существа, часто — пчелы. О пчелах (и даже о муравье и т. д.) Вергилий действительно пишет торжественно, например, употребляя лексику, характерную для героического эпоса.

Ключевые слова: Вергилий, «Георгики», пчелы, *angustus*, *tenuis*, *exiguus*.

O. V. Sharshukova

Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia.

sharshukovaov@yandex.ru

Angustae res in Virgil's Georgics

In the middle of the third *Georgic* Virgil says that it is “difficult to add honour to *angustis rebus*”. The paper is concerned with the expression *angustae res* here. We suppose that *angustus* in the poem does not mean ‘base’ or ‘lowly’; it is rather ‘small’. It seems that Virgil does not consider agriculture to be a lowly subject, to have *humilitas*, maybe because in some parts of the poem rural life is idealised. But the poet acknowledges that he has to list a lot of details (which might bore the reader) and to speak about them “honourably” (which is difficult). (Of course, such characteristics of the poem as a poem about *angustis rebus* or *in tenui labor* are also allusions to Callimachus). We have analyzed the instances of *angustus* in the *Georgics*: it is used of small creatures, most often of bees. Virgil does use lofty words when he speaks of such creatures, and the small is very often contrasted to the great. This leads many researchers to believe that Virgil is writing humorously, and that some parts of the poem are even mock-heroic. However, we suppose that Virgil mostly succeeds in avoiding comical effect.

Keywords: Virgil, Vergil, *Georgics*, bees, *angustus*, *tenuis*, *exiguus*.

В середине третьей книги «Георгик», после описания заботы о быках и конях и отступления о разрушительной силе *amor*, Вергилий делает еще одно отступление (*Georg.* III. 284–290):

sed fugit interea, fugit irreparabile tempus,
singula dum capti circumvectamur amore.
hoc satis armentis: superat pars altera curae,
lanigeros agitare greges hirtasque capellas.
[hic labor, hinc laudem fortes sperate coloni.]
nec sum animi dubius, verbis ea vincere magnum
quam sit et angustis hunc addere rebus honorem...

Но бежит, бежит между тем невозвратимое время, пока мы блуждаем вокруг, охваченные любовью к мелочам (деталям). Этого достаточно о [крупном] скоте: остается другая часть заботы — погонять руноносные стада и мохнатых коз. Это — труд, здесь, сильные земледельцы, надейтесь найти похвалу. И я не сомневаюсь в душе в том, как трудно преодолеть это словами и придать angustis предметам эту честь.

Это отступление является одной из авторских характеристик поэмы. В числе прочего, здесь важно внимание Вергилия к деталям, *singula* (Thomas 1988b: 96). Помимо этого, Вергилий здесь заявляет, что его задача в поэме — *angustis hunc addere rebus honorem*, придать честь *angustis rebus*. Здесь обращает на себя внимание слово *angustis*, поскольку оно не вполне однозначно, что затрудняет понимание этого места поэмы.

Плиний Старший, который в XIX книге «Естественной истории» критикует Вергилия за то, что тот пишет либо слишком подробно и, соответственно, неподобающе для поэзии, либо, наоборот, слишком сжато (Doody 2007: 193–194), передельвает эти стихи из III книги «Георгик» следующим образом: *quam sit difficile verborum honorem tam parvis perhibere* — «как сложно придать торжественность слов столь маленьким [предметам]». Интересно, что *angustus* он заменяет на *parvus*, которое буквально значит «маленький», «мелкий», но может иметь и значение «неважный, незначительный». В то же время Плиний, критикуя Вергилия за избирательность, пишет, что тот «сбежал от даров садов», испугавшись низости (*humilitas*) этого предмета (*NH* 14.7)¹.

---

¹ По-видимому, под садами Плиний подразумевает и виноградники, и маслины, и плодовые деревья. По его мнению, *humilitas* присуща зем-

Прояснить значение *humilis* в классической латыни можно, обратившись к контекстам, показывающим противоположные понятия. *Humilis* в прямом и переносном значении («низкий») можно противопоставить *sublimis*, которое может значить как «высокий», так и «возвышенный» (Andreev, Kazansky 2008: 33). В данном случае имеется в виду переносное значение, и, чтобы уточнить его, обратимся к словарю Форчеллини. В числе антонимов к *humilis* там приводятся *nobilis* («благородный»), *potens* («могущественный»), *opulentus* («богатый») (Forcellini II.1.a).

В том числе из-за этого «Буколики», героями которых являются рабы, в античности и в дальнейшем стилистически определялись словом *humilis*. Так, Сервий пишет, что «в «Георгиках» средний стиль, в «Буколиках» — *humilis*, поскольку здесь деревенские персонажи, от которых нельзя требовать ничего высокого» (Serv. *praefat.* in Verg. *Buc.*). Несмотря на то, что стиль «Георгик» Сервий называет средним (*medium*), об *angustis rebus* он пишет, что Вергилий так описывает свое намерение «украсить высокой речью «низменный» (или же «незначительный», как у Плиния) — *humilem* — материал» (*humilem materiam alto sermone decorare* (Serv. in *Georg.* III. 290 Thilo).

Некоторые исследователи (вероятно, вслед за Сервием) полагают, что Вергилий здесь говорит о компенсации некоторой приземленности, низменности предмета повествования торжественностью стиля (Dalzell 1996: 117). С. Нельсон также пишет об обыкновенности и даже некоторой вульгарности тематики поэмы Вергилия (Nelson 1998: 92). Видимо, примерно так же понимает *angustae res* в 290 ст. и Р. Томас (*lowly*; Thomas 1988b: 97).

Предположим, что Вергилий здесь под *angustis rebus* имеет в виду действительно низменную тематику. Тогда, по его мнению, теме его поэмы — сельскому хозяйству — присуща низменность, *humilitas*. Кроме того, в таком случае ст. 289–290 свидетельствуют о том, что он осознает некий конфликт между содержанием дидактической поэмы и собственно поэтической формой: предмет повествования слишком низок для поэзии.

Действительно, в античности осознавалось некоторое противоречие между содержанием и формой, присущий дидак-

леделию вообще, и именно из-за этого (а не из-за чувства меры) Вергилий перечисляет недостаточно, с точки зрения Плиния, сортов деревьев. (Важно отметить, что *humilitas* здесь не имеет отношения к *angustis rebus* Вергилия; Плиний говорит о поэме в целом).

тическому эпосу. Но подобного рода идеи возникали в первую очередь у критиков, а не у самих авторов поэм. Так, Аристотель отказывался считать Эмпедокла поэтом (Arist. Poet. 1447 b), поскольку его поэзия не миметична². Авторы же дидактических поэм, как правило, не задумываются об этом, хотя рефлексия о творчестве — черта, характерная для дидактического эпоса в целом (Volk 2002: 39). Первым исключением становится Лукреций, который несколько раз сетует на то, как трудно изложить концепцию Эпикура в стихах (DRN I. 136–139; 933–934), хотя это связано скорее не с критикой Аристотеля, а с тем фактом, что сам Эпикур был против философских поэм и поэзии вообще (De Lacy 1948: 22).

В то же время, если обратиться к низменным предметам, мы обнаружим, что они в поэме практически не упоминаются, несмотря на то, что ее тема — сельское хозяйство. Вероятно, это связано в том числе с избирательностью Вергилия, о которой он сам предупреждает читателя в начале II книги: *non ego cuncta meis amplecti versibus opto* — «я не желаю охватить моими стихами всё» (II. 42). А. Далцелл в качестве примера подобной избирательности пишет, что Вергилий упоминает восемь предметов инвентаря земледельца, тогда как, например, Катон — девяносто (Dalzell 1996: 106).

В первой книге Вергилий пишет, что читателю «не нужно стыдиться удобрять землю жирным навозом» (I. 80). В то же время *ne pudeat* можно понять и как «не нужно жалеть навоза, удобрять землю нужно щедро» (Page 1963: 191). Цицерон также упоминает необходимость удобрения виноградных лоз (Cic. Sen. 53) почти восторженно (Thomas 1988a: 80), а также критикует Гесиода за то, что тот об этом ничего не говорит. Вероятно, это связано с тем, что употребление навоза в практических целях — не столь низменное занятие в представлении древних (в отличие, например, от грубых комедийных сцен). Также показательно, что рабы (которым как раз свойственна *humilitas*) в поэме (в отличие от «Буколик») не фигурируют вовсе (Dalzell 1996: 109), хотя, конечно, играли активную роль в сельском хозяйстве в Риме.

В то же время выражение Вергилия об *angustis rebus* можно понимать иначе: не «низменные» вещи, а «маленькие», «мелкие», возможно, «незначительные» (подобно *parvis* Плиния). В

---

² О дискуссии, что считалось поэзией и что нет, и о так называемой «метризации» текста (в римской сатире) см. Shumilin 2011.

таком случае Вергилий в *Georg.* III. 290 говорит о том, как трудно описывать торжественным языком маленькие (в буквальном смысле), мелкие (тем более, что выше говорится о внимании к мелочам — *singula*) предметы. Причем уже в самом этом заявлении мелкое (*angustae res*) противопоставляется большому (*magnum sit*).

Изначально *angustus* значит «узкий», «тесный» (OLD 1). Это значение может также развиваться в «маленький», в том числе «слишком маленький для чего-то» (OLD 2b).

Вергилий в середине III книги действительно переходит от описания крупных животных (быков и коней) к повествованию о более мелких (козах и овцах), то есть от крупного к мелкому в буквальном смысле. Но все же, чтобы попытаться прояснить значение этого слова здесь, обратимся к другим употреблениям *angustus* в поэме.

В изначальном значении — «узкий» — мы встречаем *angustus*, например, во второй книге «Георгик»: надрез в складке коры дерева, который делают для прививки, должен быть узким (*angustus... sinus* II. 75–76). Также называется *angustus*, «узким», и путь муравья в первой книге, где описываются приметы скорого дождя:

*saepius et tectis penetralibus extulit ova
angustum formica terens iter et bibit ingens
arcus... (I. 379–381).*

Часто из внутренних комнат выносит яйца муравей, идущий по узкому (angustum) пути, и пьет огромная радуга...

Упоминание муравья, видимо, заимствовано Вергилием из поэмы Арата «Явления» (*Phaen.* 956), а также подобное описание есть у Варрона Атацинского: *nec tenuis formica cavis non evehit ova* (р. 99 Morel; цит. по Thomas 1988a: 132). В то же время муравей ни у Арата, ни у Варрона не проделывает «узкий путь» — эта деталь добавлена Вергилием. Кроме того, в «Георгиках» *angustum iter* муравья противопоставляется *ingens arcus* — огромной радуге. Подобного противопоставления нет ни у Арата, ни у Варрона: радуга упоминается в «Явлениях» до муравья (*Phaen.* 940), но Вергилий добавляет эпитет «огромный» и меняет порядок перечисления примет. Это позволяет предположить, что *angustus* здесь значит не только в буквальном смысле «узкий», но также и в более широком — «маленький»; маленькое в природе противопоставляется огромному.

Т. Пейдж полагает, что в этих стихах Вергилий пишет о муравье не без доли иронии (*not without a touch of humour*; Page 1963: 228), поскольку муравейник здесь назван *tecta penetralia*, а *penetralis* (а особенно образованное от него существительное *penetrale*)³ может обозначать святилище или его внутреннюю часть (OLD *penetrale* 2b). В «Буколиках» это слово не употребляется, в «Георгиках» — единожды, а в «Энеиде» встречается девять раз⁴, где обозначает либо царский дворец, либо алтарь, святилище. Можно предположить, что здесь, употребляя свойственное торжественным контекстам слово, Вергилий придает *honorem angustis* (маленьким) вещам, не обязательно подразумеваемая шутку.

Также муравей упоминается в I книге «Георгик», где Вергилий перечисляет вредителей, которые могут появиться на гумне (I. 181–186). И там, хотя слово *angustus* и не употребляется, снова мелкое противопоставляется крупному, а также об этих мелких животных говорится, как о людях. Так, «маленькая мышка» (*exiguus mus*, 181) строит под землей дома и амбары; червь населяет «огромную кучу полбы» (185), муравей боится бедной старости (186), и все эти существа называются *monstra*, чудовищами. Т. Пейдж также видит здесь шутку, сравнивая *exiguus mus* Вергилия с *ridiculus mus* у Горация (*Ars. Poet.* 139) (Page 1963: 206), в то время как Р. Томас полагает, что Вергилий здесь всерьез предостерегает человека от опасностей природы (Thomas 1988b: 99). Для нас же важнее то, что Вергилий здесь пишет о маленьких в буквальном смысле предметах, и пишет достаточно торжественно (*posuit domos, terrae | monstra ferunt*). *Domos* часто встречается в «Энеиде», в частности, о Трое (например, *Aen.* II. 47, 365, 635). В «Георгиках» *domos* названы, например, гнезда птиц, уничтоженные пахарем (II. 209) *Monstra* — это и чудовища в подземном царстве (*Aen.* VI. 285), и изображенные на щите Энея чудовища, которых ведут с собой Антоний и Клеопатра (*Aen.* VIII. 698), в «Георгиках» же это слово употреблено единожды (I.182). Этот выбор достаточно торжественных слов и выражений и вызывает предположения, что здесь подразумевается ирония.

Помимо рассмотренного выше места и II. 75, где рассказывается о том, как прививать деревья, *angustus* встречается в тех

³ Скорее всего, в *Georg.* I. 379 мы имеем дело все же с прилагательным, эпитетом к *tectis*.

⁴ *Aen.* II. 297, 484, 508, 665, IV. 504, V. 660, 744, VI. 59, IX. 259.

контекстах, где речь идет о пчелах. Можно даже предположить, что в середине III книги Вергилий имеет в виду под *angustis rebus* в первую очередь пчел, о которых пойдет речь далее, в IV книге.

Так, при описании сражения пчел говорится, что у них «в тесной груди великий дух»: *ingentis animos angusto in pectore versant* (IV. 83).

Здесь снова мелкое противопоставляется великому: несмотря на небольшой (в буквальном смысле) размер пчел, их (боевой) дух велик. В качестве параллели Т. Пейдж указывает Тидея (II. V. 801), который был воинственен, несмотря на небольшой рост (Page 1963: 344).

Конечно, это место перекликается с началом IV книги, где Вергилий обещает Меценату рассказать об «удивительных зрелищах, которые могут создавать легкие предметы» (*admiranda tibi spectacula rerum* IV. 3; Thomas 1988b: 161). В то же время *levis* здесь, вероятно, значит либо «менее важный» (OLD 13), либо даже «не слишком серьезный» (OLD 14). А *angusti in pectore*, видимо, не умаляет важности сражения пчел: наоборот, несмотря на небольшие размеры, они воинственны, как и герой у Гомера, что придает их описанию *honorem*. Сражение пчел также описывается подобно эпическому сражению. Можно найти параллели между этим местом в «Георгиках» и «Энеидой» (Thomas 1988b: 160). В. Рихтер также полагает, что *ingentis animos angusto in pectore* — не шутка; наоборот, таким образом Вергилий подчеркивает, что происходящее — это чудо, *miraculum* (Richter 1957: 340).

Под воспеванием «маленьких» вещей подразумевается в том числе и поэтика Каллимаха⁵. Проперций, упоминая Каллимаха, вслед за Вергилием использует словосочетание *angusto pectore*, как и Вергилий в *Georg.* IV. 83, на что обращает внимание Р. Томас (Thomas 1988b: 161):

*sed neque Phlegraeos Iovis Enceladique tumultus
intonet angusto pectore Callimachus...* (Prop. II. 38–39).

*Но Каллимах не стал бы громко воспевать Флегрейские сражения Юпитера и Энкелада angusto pectore*⁶.

⁵ В то же время полностью рассмотреть каллимаховскую поэтику в Риме и в «Георгиках» в рамках этой статьи не представляется возможным.

⁶ А. Кэмерон (Cameron 1995: 473) полагает, что *angustum pectus* у Проперция — «слабая» душа, а не «утонченная» (в значении каллимаховского *λεπτός*).

Эти строки Проперция — очевидно *recusatio*, отказ от написания поэмы на военную тематику (Cameron 1995: 472–474), в то время как Вергилий в IV книге воспевает именно сражение, но сражение крошечных существ.

Чуть ниже Вергилий рассказывает, как прекратить сражение пчел: они успокоятся от «броска небольшого [количества] пыли» (*pulveris exigui iactu* IV. 87). Деталь заимствована у Варрона (Varro R. R. III. 16; Page 1963: 345), но Вергилий, используя ее в поэтических целях, еще раз противопоставляет небольшие размеры пчел, которые настолько малы, что для прекращения битвы достаточно небольшого количества пыли, и великое их сражение. В этом контрасте можно также увидеть шутку (Page 1963: 345). Ст. Харрисон полагает, что сражение пчел — это пародия на эпос наподобие «Войны мышей и лягушек» (Harrison 2007: 137; 157). В то же время можно предположить, что таким образом делается акцент на размере пчел: они яростно сражаются, несмотря на то, что они маленькие, но, потому что они маленькие, их сражение легко остановить. И в свою очередь это делает мир пчел еще более удивительным (*admiranda spectacula*, IV. 3)⁷. Таким образом Вергилий дополнительно отделяет пчел от мира людей, не давая провести полную параллель с римским обществом, хотя и называет их квиритами выше (IV. 201).

Также Вергилий возвращается к сравнению и противопоставлению маленького и большого ниже, где сравнивает пчел с Циклопами, причем подчеркивает смелость подобного сравнения: *si parva licet componere magnis* («если дозволено сравнивать маленькое с большим», IV. 176). Описание Циклопов также заимствовано из «Гимна к Артемиде» Каллимаха (Н. III 46–61 Pfeiffer; Thomas 1988b: 180), но вполне вероятно, что здесь также подразумеваются Циклопы в «Теогонии» Гесиода (Hes. *Theog.* 139–146; Richter 1957; 354), а также — IX песнь «Одиссеи».

Срок жизни пчел также короток, «мал», и он характеризуется *angustus* (*angusti terminus aevi* — срок короткой жизни IV. 206). Р. Томас обращает внимание на то, что *angusti*, будучи вынесенным вперед, подчеркивается (Thomas 1988 b: 185). Но,

---

⁷ Пчелы настолько удивительны, что в этом должно быть нечто божественное (*esse apibus partem divinae mentis*, IV. 220), что Вергилий развивает в описание стоической концепции бога, который проходит через всё (Wilkinson 1969: 122; Gale 2000: 78).

несмотря на это, их род остается бессмертным (*at genus immortale manet* IV. 208), и короткий срок жизни одной пчелы противопоставляется «бессмертию»⁸ роя, снова маленькое противопоставляется большому и великому.

Многое из того, что относится к миру пчел, должно быть «маленьким» или «узким», *angustus*. Так, входы в улей должны быть узкими (*angustos habeant aditus*, IV. 35), чтобы морозы или жара не повредили меду. В описании места, подходящего для бугонии, подчеркивается, что все должно быть маленьким, тесным: само место (*exiguus, contractus locus*, IV. 295), крыша, которую нужно сделать (*angustique imbrice tecti*, IV. 296). Более того, сам эпиллий об Аристее, который формально является этимологическим мифом, объясняющим происхождение бугонии, написан в стиле Каллимаха (Harrison 2007: 161), у которого пчелы названы βουγυεῖς (Call. fr. 383.4 Pfeiffer).

Некоторые затруднения вызывает описание улья, где говорится, как нужно доставать мед из улья:

si quando sedem angustam servataque mella
thesauris relines... (IV. 229–230)⁹.

Если ты когда-нибудь будешь вскрывать augustam/angustam жилище и доставать сохраненный мед из сокровищницы...

Текстологическая проблема заключается в том, что в рукописи *Mediceus Laurentianus* под редакцией Турция Руфия Апрониана Астерия читается *augustam sedem*. Но *Vergilius Vaticanus* дает другое чтение — *angustam* (Conte 2013: 200). Ribbeck 1914, Geymonat 2008 и Conte 2013 печатают *augustam*, в то время как, например, Greenough 1900 и Thomas 1988b — *angustam*. В первом случае получается, что улей — «священное жилище пчел», во втором же — «маленькое, тесное».

Мы вслед за Р. Томасом полагаем, что следует печатать *angustam sedem*, а не *augustam*. Он приводит следующие аргументы (Thomas 1988b: 188–189). Для придания строкам торжественности (*honorem* из ст. III.290) вполне достаточно

⁸ Р. Томас справедливо отмечает, что пчелы на самом деле не бессмертны: гарантировано лишь появление нового роя, который продолжит существовать в несовершенных условиях поэмы (Thomas 1991: 216).

⁹ Этот текст цитируется по изданию Р. Томаса (Thomas 1988b).

одного «возвышенного» слова *thesaurus*¹⁰, тем более дальше следует вполне приземленный практический совет. Кроме того, Варрон, на которого Вергилий очевидно опирается, пишет, что ульи должны быть *angustissimae* (R.R. III. 16. 15–16). Также *angustus* применительно к пчелам в «Георгиках» употребляется часто (IV. 35, 83, 206, 296), в то время как *augustus* — редкое слово у Вергилия: мы находим его только в «Энеиде» о дворце Латина (VII. 153, 170).

К этому также можно добавить, что, если в IV. 229 читать *angustam*, это больше соответствует авторскому заявлению о поэме в третьей книге: Вергилий пишет о «маленьких» (здесь *angustam*) вещах — об улье — торжественно, употребляя слово *thesaurus*. Если же читать *augustam*, это может показаться слишком торжественным, как пишет Т. Пейдж, *too exaggerated* (Page 1963: 360).

Как мы видим, *angustus* в поэме употребляется достаточно часто и всегда о «мелочах». *Angustus* в «Георгиках» значит либо «маленький», либо «маленький и потому незначительный», но вряд ли «низменный». В «Георгиках» занятия сельским хозяйством не расцениваются как низкие, практически лишены *humilitas*. В то же время Вергилий признает, что дела крестьянина кропотливы, и его жизнь наполнена множеством мелких забот, что не соответствует размаху, характерному для эпической поэмы. Возможно, отказ считать сельскую жизнь низкой связан с тем, что в «Георгиках» она отчасти идеализируется. Например, в конце II книги Вергилий противопоставляет городскую развращенность сельской простоте (Perkell 2002: 25; Sharshukova 2022: 1184–1185). Также человека окружает множество мелких существ, чья жизнь, несмотря на их размеры, может быть устроена сложно и удивительно.

Синонимы *angustus* в поэме — *exiguus* и *tenuis*.

В I книге Вергилий обещает читателю, что расскажет много заветов древних, если тому не будет неприятно узнать о *tenuis curas* — «незначительные заботы» (*ni refugis tenuisque piget cognoscere curas*, I. 177). *Piget* здесь, вероятно, значит, что

---

¹⁰ *Thesaurus* встречается в «Георгиках» единожды, в «Буколиках» отсутствует, в «Энеиде» употребляется один раз (I. 359) (призрак мужа показывает Дидоне, где лежат деньги). В то же время это слово употребляется не только в поэзии, например, у Плиния (XVII. 99, X.199, см. OLD).

читателя может раздражать большое количество мелких подробностей, это может показаться скучным¹¹. Также *tenuis* упоминается в том числе и применительно к пчелам (IV. 38).

О достоинствах деревенской молодежи Вергилий говорит, что они довольствуются малым (*exiguoque adsueta iuventus*, II.472). Также, как и *angustus*, *exiguus* употребляется и по отношению к миру пчел и других мелких существ: в I.181 мышь названа *exiguus*, битва пчел прекращается от маленького броска пыли (IV.87), место для бугонии должно быть *exiguus* (IV.295).

Кроме того, и *exiguus*, и *tenuis*, как и *angustus*, употребляются, когда речь идет о самой поэме. Так, Вергилий во II книге пишет, что большое поместье нужно восхвалять, а возделывать — малое (*exiguum colito*, II. 413). Это можно понимать буквально (в большом хозяйстве больше дел; Richter 1957: 243), так и метафорически, как слова о поэме (Thomas 1988a: 233). Здесь можно увидеть *recusatio*, отказ от более грандиозных тем, что в дальнейшем развивается во вступлении к III книге. Дело в том, что это заявление перекликается с началом шестой эклоги, где певец начал было воспевать «царей и сражения», *reges et proelia* (Ecl. VI. 3), но Аполлон сказал ему: *pastorem, Tityre, pinguis | pascere oportet ovis, deductum¹² dicere carmen* («Титир, пастуху подобает пасти жирных овец, а песню петь утонченную», 4–5). Эти строки Вергилия опираются на пролог к «Причинам» Каллимаха (Cameron 1995: 454) и легли в основу *recusationes* в поэзии эпохи Августа (Wimmel 1960: 133).

Tenuis Вергилий называет саму поэму в начале IV книги. Он обещает описать *admiranda spectacula levium rerum*, воспеть *magnanimos duces... et proelia¹³* (IV.3–5), снова противопоставляя мелкое и великое. Затем Вергилий говорит о поэме следующее: *in tenui labor; at tenuis non gloria* (IV.4) «мой труд в мелочах; но слава не будет мелкой». Ст. Харрисон отмечает в выражении *in tenui labor* явную отсылку к поэтике Каллимаха, где *tenuis* — практически перевод λεπτός (Harrison 2007: 158–159).

¹¹ Ср. Lucr. I.53–54: *ne mea dona... intellecta prius quam sint, contempta relinquo* «чтобы ты не отринул, презрев, мои дары, прежде чем они будут поняты».

¹² Можно провести параллель между *pinguis* и λεπτός и *deductum* и παχύς.

¹³ В шестой эклоге поэт отказывается писать об этих предметах; здесь же они уже будут воспеты, но не вожди и сражения людей, а пчел.

В то же время мы не можем с уверенностью утверждать, что *angustus* у Вергилия полностью соответствует тому же каллимаховскому термину. Но, конечно, *angustis hunc addere rebus honorem* — это также и эстетическая характеристика поэмы как поэмы о предметах, не имеющих размаха.

Литература

- Andreev, A. V., Kazansky, N. N. 2008: [Materials for the Dictionary of Latin Antonyms]. In: *Orientalia et Classica 15. Discipuli Magistro (k 80-letiju N. A. Fedorova) [Orientalia et Classica 15. Discipuli Magistro (Festschrift for N. A. Fedorov on his Eightieth Birthday)]*. Moscow, 17–52.
- Андреев, А. В., Казанский, Н. Н. 2008: Материалы к словарю антонимов латинского языка. В сб.: *Orientalia et Classica 15. Discipuli Magistro (к 80-летию Н. А. Фёдорова)*. М., 17–52.
- Cameron, A. 1995: *Callimachus and His Critics*. Princeton: Princeton University Press.
- Conington, J. 1881: *P. Vergili Maronis Opera*. With a commentary by J. Conington. London: Whittaker&Co.
- Conte, G. B. 2013: *P. Vergilius Maro. Georgica*. Ed. G. B. Conte. Berlin: De Gruyter.
- Dalzell, A. 1996: *The Criticism of Didactic Poetry: Essays on Lucretius, Virgil, and Ovid*. Toronto: University of Toronto Press.
- Doody, A. 2007: Virgil the Farmer? Critiques of the *Georgics* in Columella and Pliny, *Classical Philology*, 102, 180–197.
- Forcellini, E. 1940: *Lexicon Totius Latinitatis*. Patavii.
- Gale, M. 1991: Man and Beast in Lucretius and the *Georgics*, *The Classical Quarterly*, 41, 414–426.
- Gale, M. 2000: *Virgil on the Nature of Things: the Georgics, Lucretius and the Didactic Tradition*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Geymonat, M. 2008: *P. Vergili Maronis opera / Rec. M. Geymonat*. Roma: Edizioni di storia e letteratura.
- Greenough, J. B. 1900: *Bucolics, Aeneid, and Georgics of Vergil / Ed. by J. B. Greenough*. Boston: Ginn&Co.
- Harrison, S. J. 2007: *Generic Enrichment in Vergil and Horace*. Oxford: Oxford University Press.
- De Lacy, P. H. 1948: Lucretius and the History of Epicureanism, *Transactions and Proceedings of the American Philological Association*, 79, 12–23.
- L&S — *A Latin Dictionary*. 1879: ed. by Lewis, Ch. T., Short Ch. New York: Harper and Brothers.
- Nelson, S. A. 1998: *God and the Land: The Metaphysics of Farming in Hesiod and Vergil*. Oxford: Oxford University Press.
- OLD — *Oxford Latin Dictionary*. 2012: ed. by P. G. W. Glare. Oxford: Oxford University Press.

- Page T. E. 1963: *P. Vergili Maronis Bucolica et Georgica*. With introduction and notes by T. E. Page. London: Macmillan&Co.
- Perkell, C. 2002: The Golden Age and Its Contradictions in the Poetry of Vergil. *Vergilius*, 48, 3–39.
- Pfeiffer, R. 1953: *Callimachus*. Vol. II: *Hymni et Epigrammata*. Ed. R. Pfeiffer. Oxford: Oxford University Press.
- Ribbeck, O. 1914: *P. Vergili Maronis opera*. Iterum recognovit O. Ribbeck. Lipsiae: In aedibus B. G. Teubneri.
- Richter, W. 1957: *P. Vergilii Maronis Georgica*. Herausgegeben von W. Richter. München: Hueber.
- Sharshukova, O. V. 2022: [Iustissima tellus in Virgil's *Georgics* (II.460)]. *Indoeuropeiskoe yazykoznanie i klassicheskaya filologiya [Indo-European linguistics and classical philology]* 26 (2), 1181–1191.
- Шаршукова, О. В. 2022: *Iustissima tellus* в «Георгиках» Вергилия (II. 460). *Индоевропейское языкознание и классическая филология*, XXVI, т. 2, 1181–1191.
- Shumilin, M. V. 2011: [Roman Satire and the Idea of Putting Content into Verse in Greek and Roman Literary Theory]. *Indoeuropeiskoe yazykoznanie i klassicheskaya filologiya [Indo-European linguistics and classical philology]* 15, 594–601.
- Шумилин, М. В. 2011: Римская сатира и идея «метризации» текста в античной литературной теории. *Индоевропейское языкознание и классическая филология* 15, 594–601.
- Thilo, G. 1887: *Servii Grammatici qui feruntur in Vergilii Bucolica et Georgica commentarii*. Rec. G. Thilo. Lipsiae: in aedibus B. G. Teubneri.
- Thomas, R. F. 1988a: *Virgil. Georgics*. Ed. by R. F. Thomas. Vol. I: Books I–II. Cambridge: Cambridge University Press.
- Thomas, R. F. 1988b: *Virgil. Georgics*. Ed. by R. F. Thomas. Vol. II: Books III–IV. Cambridge: Cambridge University Press.
- Thomas, R. F. 1991: The *Sacrifice* at the End of the *Georgics*, Aristaetus, and Vergilian Closure, *Classical Philology*, 86, 211–218.
- Volk, K. 2002: *The Poetics of Latin Didactic: Lucretius, Vergil, Ovid, Manilius*. Oxford: Oxford University Press.
- Wilkinson, L. P. 1969: *The Georgics of Virgil: a Critical Survey*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Wimmel, W. 1960: *Kallimachos in Rom*. Hermes: Zeitschrift für klassische Philologie, 16. Wiesbaden.